

«Сближение культуры народов Севера с культурами других народов нашей страны, их взаимное обогащение идет также по пути роста национальных кадров... Из среды народов Севера выдвинулись научные работники: Н. И. Терешкин, М. П. Вахрушева, Е. И. Ромбандеева, А. И. Сайнахова, Н. А. Свешников, А. Т. Мотышева и другие. 12 ученых имеют теперь народы ханты и манси». Это цитата из рецензируемой книги Л. Е. Киселева (стр. 258), кстати также ханта по национальности, первого историка, кандидата исторических наук, из среды хантыйского народа, исследователя процессов социалистических преобразований у народов Севера, огромных перемен, происшедших у них за годы Советской власти. Проблеме социалистических преобразований у народов Обского Севера посвящена и рецензируемая книга.

Работа Л. Е. Киселева состоит из семи глав, введения и заключения.

В первой главе приведены высказывания классиков марксизма-ленинизма о возможности некапиталистического развития социально архаичных народов в условиях победившего социализма. Автор особенно подчеркивает значение работ В. И. Ленина, теоретически обосновавшего положение о том, что «с помощью пролетариата передовых стран остальные народы могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Во второй главе освещается дореволюционное прошлое народов Обского Севера. Отмечая прогрессивное значение присоединения народов Крайнего Севера к Русскому государству, автор вместе с тем выявляет отрицательные стороны колонизационной политики царизма, консервировавшей отсталость ясачного населения.

Нельзя не отметить отдельные неточности этой главы. Так на стр. 34 говорится, что ханты и манси переселились в низовья Оби и Иртыша с гор Алтая и Саян; при этом Л. Е. Киселев утверждает, что такая точка зрения является общепризнанной. В настоящее время известно, что формирование обских угров представляло сложный этногенетический процесс, в основе которого лежал синтез культуры степных кочевников — угров и автохтонов таежной полосы Приобья — урало-язычных охотников и рыболовов. Сводить этот процесс к элементарному перемещению уже сформировавшегося народа из одной географической зоны в другую в корне неправильно. В этой же главе селькупы отнесены к тундровому населению, хотя большинство их проживает в таежной зоне. Обдорск, Березово, Сургут и другие форпосты русских, созданные на путях продвижения их в Западную Сибирь, названы «городами», а не традиционным термином «городки». Здесь же утверждается, что «остатки родового строя у народов Севера проявились в общинном пользовании землей, угольями, пастбищами» (стр. 45), т. е. смешиваются хотя и взаимосвязанные, но совершенно самостоятельные социальные институты.

Нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что хантыйские и мансийские «княжества» XVI—XVII вв. представляли собой племенные образования (стр. 40). Как правило, эти «княжества» были административными единицами — более или менее искусственно объединявшими территориальные группы обских угров.

В последующих главах работы излагается история социалистического строительства на Обском Севере. Автор приводит чрезвычайно интересные данные об участии коренного населения в борьбе за установление и укрепление Советской власти против белогвардейцев и кулацко-эсеровских банд (гл. III), рассказывает об огромном внимании Коммунистической партии и Советского правительства к восстановлению и реконструкции разрушенного гражданской войной и интервенцией хозяйства хантов, манси, ненцев и других обитателей Севера, об организации на Севере коллективных производственных объединений охотников, оленеводов и рыбаков, создании сети органов культуры и здравоохранения (главы IV—V).

В этих же главах говорится о создании первых органов советского самоуправления у народов Крайнего Севера — родовых и туземных советов, освещается большая и многосторонняя работа Комитета Севера при Президиуме ВЦИК СССР, при непосредственном участии которого были образованы органы государственной автономии — национальные округа Крайнего Севера.

Недостатком этой части работы является лишь то, что автор не уделил должного внимания вопросу об особенностях органов самоуправления у конкретных этнографических групп Обского Севера, не раскрыл специфики различных форм советов — родовых, юртовых, ватажных, которые были характерны для севера Западной Сибири.

Воинским и трудовым подвигам народов Обского Севера в годы Великой Отечественной войны, их вкладу в общее дело разгрома фашизма посвящена VI глава.

В послевоенные годы и особенно в девятой пятилетке Обский Север стал крупнейшим центром нефтяной и газовой промышленности. Тайгу и тундру прорезали стальные нити нефте- и газопроводов, выросли десятки новых поселков, на месте прежних поселений возникли города, такие как Надым, Нефтеюганск... Комфортабельные теплотходы, быстходные «Ракеты» бороздят великие реки Сибири, авиация связала северные поселки с промышленными центрами страны, успешно ведется строительство железной дороги, которая соединит основные районы нефтедобычи с транссибирской магистралью.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

В этой великой стройке, которую ведет вся наша страна, есть ощутимая доля и народов Севера. Их участию в этих преобразованиях и посвящена заключительная глава книги — «На пути к коммунизму». Из среды хантов, манси, ненцев, вышли уже первые инженеры, сварщики, бурильщики. Только за последние шесть лет Сургутское строительное училище окончили 270 человек представителей малых народов Севера (стр. 233).

К сожалению, и в этой части книги имеются отдельные обидные недочеты, являющиеся следствием недостаточно критического подхода к источникам. Так, в числе ненцев фигурируют А. Фирсов и М. Киселев (стр. 127, 135), хотя первая фамилия принадлежит коми, а вторая — ханту. В. Шехов в одном месте назван ненцем (стр. 140), а в другом — хантом (стр. 160). В книге искажены некоторые ненецкие, селькупские и хантыйские фамилии: Теседа (вместо Тэседа), Панде (вместо Пандо), Каткалев (вместо Каткилев) и др.

В целом, однако, Л. Е. Киселев написал нужную, полезную книгу, расширяющую и дополняющую уже довольно обширный список литературы, посвященной истории социалистических преобразований у народов Крайнего Севера СССР. Эти работы пользуются интересом и вниманием не только в нашей стране, но и за рубежом, особенно в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, где сегодня на практике решаются вопросы некапиталистического развития экономики и культуры в условиях победившей народной власти. И опыт народов Крайнего Севера СССР, шагнувших от первобытнообщинного строя в социализм, с этой точки зрения, поистине неocenим.

В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко

Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, 239 с.

За последние годы как в советской, так и в зарубежной науке заметно возрос интерес к первой и самой продолжительной эпохе в истории культуры — палеолитической. При этом, пожалуй, особенно интересными, привлекающими пристальное внимание не только археологов, но и этнографов, антропологов, социологов, психологов являются проблемы, связанные с искусством эпохи палеолита. Достаточно в этой связи назвать труды по палеолитическому искусству А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, А. А. Формозова, А. Д. Столяра и других, хорошо известные в нашей исторической науке.

С изучением произведений палеолитического искусства были, в частности, связаны первые попытки найти истоки математических понятий в представлениях людей древнекаменного века. Еще в XIX в. эти вопросы привлекли внимание и получили некоторую разработку в трудах таких крупных ученых, как Бужэ де Перт, Эдуард Лартэ и других. В наше время поисками истоков астрономических знаний в палеолите путем скрупулезного, вплоть до микроскопического, исследования отдельных палеолитических предметов занимался американский ученый А. Маршак¹. Рецензируемый труд Б. А. Фролова, в котором привлечен и проанализирован более полный круг источников и проблем, является новым этапом в развитии наших знаний о глубочайших корнях современной цивилизации. Б. А. Фролов успешно применил предложенную им новую методику изучения орнаментики палеолита прежде всего с целью выявления преднамеренности нанесения отдельных орнаментальных элементов и связанных с этим закономерностей. Он изучил в сущности все известные памятники палеолитической графики на территории СССР и основные из них, открытые за рубежом. Анализу были подвергнуты все изображения — от, казалось бы, случайных, но ритмичных зарубок и даже царапин до очень сложных и подчас загадочных орнаментальных композиций.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, введения, трех глав, иллюстративного приложения и послесловия Б. М. Кедрова и А. П. Окладникова. В ней рассмотрены история открытия палеолитических изображений и дискуссии в связи с проблемами их содержания; проанализированы числовые закономерности в графике палеолита и обобщены результаты анализа, причем не только в историко-культурном, но и в социально-психологическом аспектах.

Ряд проблем, поставленных в рецензируемой книге, представляет значительный интерес для этнографии. Прежде всего это вопрос о возможности проведения аналогий между этнографическими свидетельствами и археологическими документами о первобытном обществе эпохи палеолита. В литературе существуют различные мнения — от бесспорной правоты сопоставления этнографических материалов с культурами верхнего палеолита до почти полного отрицания какой-либо ценности таковых. Обе крайности, конечно, неприемлемы, они не ведут к конструктивному решению проблемы. Совершенно очевидно, что без привлечения живого этнографического материала и выделения из него древнейшего историко-генетического слоя находимые археологами фрагменты ценнейших культур палеолита останутся немymi.

Автор монографии вполне обоснованно обращается к опыту изучения богатейших материалов сибирской этнографии и археологии, без которых теперь вряд ли возможно

¹ A. Marshack. The roots of civilization. N. Y., 1972.